

ОТЗЫВ

на диссертацию на соискание учёной степени кандидата наук
Максимова Владимира Валерьевича
по теме «Социально-демографические факторы трансформации
идентичности молодежи в условиях становления цифровой экономики»
доктора социологических наук, доцента
Письменной Елены Евгеньевны,
включённой в списочный состав диссертационного совета
Финансового университета Д 505.001.118 по защите диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Максимов Владимир Валерьевич представил диссертацию на тему: «Социально-демографические факторы трансформации идентичности молодежи в условиях становления цифровой экономики» на соискание учёной степени кандидата наук к публичному рассмотрению и защите по научной специальности 22.00.03 - Экономическая социология и демография. На титульном листе автореферата указана специальность 5.4.2. Экономическая социология, но пункты перечисляются по старой научной специальности 22.00.03.

На наш взгляд содержание диссертации частично соответствует заявленным пунктам 4 «Социально-экономические группы и структуры» и 22 «Социально-демографические факторы экономической деятельности» паспорта научной специальности (об этом подробно будет написано ниже в замечаниях), тогда как совсем *не соответствует* пункту 25 «Мотивация демографического поведения» в той части, что не раскрывает его совсем. Автор не выделяет факторы трансформации идентичности молодежи, связанные с естественной (например, рождаемость) и/или механической (миграция) составляющими мотивации демографического поведения. Это подтверждает и их отсутствие как в системе показателей ценностно-мотивационного конструкта в методике социологического исследования (С. 157) при определении параметров и индикаторов идентичности молодежи в условиях становления цифрового общества (пункт 3.1), так и в группе социально-демографических факторов идентичности молодежи (пункт 3.2). Нет их и в модели социологического исследования (С. 39-40), которую автор выносит на защиту.

При этом автор не указал пункт 5 «Экономическое поведение». Его отражение считаем целесообразным, потому что, с одной стороны, автор рассматривает становление цифровой экономики, а без экономического поведения разных акторов это невозможно в принципе, а с другой стороны, процессы становления, развития и трансформации идентичности не возможны без реализации определенных моделей поведения, очевидно и экономического, разных социально-демографических групп, в том числе и молодежи. При этом сам автор в

объяснении научной проблемы заявляет: «Обозначенная проблема требует научного осмысления, так как отвечает потребностям органов социального управления в разработку инструментария определения основных факторов и особенностей изменений экономического, репродуктивного и иного поведения молодых людей ...» (С. 5), а в Положении 3, выносимом на защиту, представляет «... социально-историческую периодизацию изменений моделей экономического поведения ...» (С. 11).

Несмотря на то, что **содержание представленной диссертации частично соответствует заявленной научной специальности** и дальнейший анализ можно было бы и не осуществлять, считаем необходимым указать на **ряд существенных ошибок, устранение которых помогло бы автору в дальнейшем защитить ее после их устранения.**

Полагаем, что полученные в диссертации «Социально-демографические факторы трансформации идентичности молодежи в условиях становления цифровой экономики» результаты, как практико-ориентированного исследования, **нельзя квалифицировать как существенные (значительные)**, а поставленную задачу (проблему) можно считать решённой **лишь частично**. Эта оценка сложилась на основе тщательного анализа представленного текста диссертации, **в результате которого были выявлены крупные ошибки исследования на методологическом, теоретическом и эмпирическом уровнях.**

1. Ошибки определения социального противоречия.

Приведем цитату: «Эволюция факторов идентификации в процессе становления цифровой экономики порождает проблемную ситуацию, которая подлежит научному исследованию и заключается в противоречии между **потребностями цифровизации** в социальной вовлеченности населения в процесс ее развития во всех сферах жизнедеятельности, с одной стороны, и в недостаточной идентичности отдельных социально-демографических групп статусу, ролям и социокультурным образцам информационного общества» (С.4-5). Такая формулировка вызывает возражения. Во-первых, цифровизация – это не социальный субъект, у нее не может быть потребностей. Во-вторых, идентичность бывает «с чем-то», «с кем-то», «кого-то», а не «чему-то». Эта часть формулировки неверно составлена. К тому же, автором не показано в актуальности и не доказано, что это противоречие есть. Если оно имеется, то как же оно проявляется в реальности? Цифровая грамотность молодежи высокая! Молодежь считается как раз «цифровыми аборигенами»!

2. Ошибки формулирования научной проблемы.

Как пишет автор: «Обозначенная проблема требует научного осмысления, так как отвечает потребностям органов социального управления в разработку инструментария определения основных факторов и особенностей изменений экономического, репродуктивного и иного поведения молодых людей, которые бы соответствовали **интересам процесса цифровизации**» (С. 5). Теперь у процесса цифровизации помимо потребностей, появляются еще и «интересы». Надо напомнить, что понятие «интересы» относится к социальному субъекту, а не процессу. На наш взгляд это свидетельствует о недостаточном владении автором

категориальным аппаратом социологии. Несомненно, что у процесса цифровизации есть группа инициаторов, заинтересованных в нем, однако, их интересы могут и не совпадать с интересами молодежи.

Вместе с тем, научная позиция, занятая автором, вызывает вопрос: а не опасно ли для молодежи подчинять всю жизнь процессу цифровизации? Может быть, напротив, не следует этого делать? Сейчас можно услышать осмысление процесса цифровизации как усиление «цифрового неравенства». Например, на XIX Всемирном социологическом конгрессе (июль 2018 г.) некоторые социологи отмечали негативные последствия распространения цифровой культуры: «В современном обществе происходит трансформация социальной власти и насилия в цифровые. Цифровая власть ставит под угрозу демократические принципы, а цифровое насилие уничтожает культуру, навязывая новое цифровое знание». Если автор слышал про это, то ни как свою позицию к этому не выразил и в работе не отразил этот подход.

3. Ошибка формулирования цели исследования.

Неправильная формулировка цели привела к тому, что полученные теоретические и эмпирические результаты не раскрывают предметную область исследования. В частности, определяя цель как «... раскрыть содержание и параметры идентичности российской молодежи в условиях становления цифровой экономики и ее детерминированности социально-демографическими факторами» (С. 6), выпала из контекста необходимость изучения влияния социально-демографических факторов на «... **трансформацию идентичности** российской молодежи ...» (С. 7) как определено в предмете исследования. В результате автор действительно провел замер идентичности по выделенным критериям (конструктам как он их называет), но проделанная большая расчетная работа **не позволила получить ответ на главный вопрос: в чем же состоялась или не состоялась трансформация идентичности российской молодежи и под влиянием каких социально-демографических факторов это произошло в условиях становления цифровой экономики, поскольку трансформация предполагает преобразование (превращение, изменение)?**

4. Ошибки формулирования задач.

Например, в первой задаче исследования автор определяет себе «обобщить и проанализировать социологические концепции понятия идентичности» (С. 6) — это неправильно: концепций понятия не существует. Как совершенно не понятна задача в части разработки модели «... социально-демографической детерминации идентичности российской молодежи в условиях развития цифровой экономики» (С. 7): что это такое социально-демографическая детерминация идентичности, в чем ее суть? Совершенно не ясна последняя исследовательская задача, связанная с необходимостью «разработать и обосновать пути улучшения позитивной детерминации социально-демографических факторов идентичности ...» (С. 7): зачем улучшать что-то позитивное?

Вместе с тем, соискатель учёной степени Максимов Владимир Валерьевич ставит для себя амбициозную теоретическую задачу «сформулировать определения ...» ряда понятий (С. 7) и приводит их на страницах 29-30, что само

по себе только приветствуется. Однако такое заявление является нецелесообразным, так как «идентичность» и «трансформация идентичности» совершенно не новые в науке дефиниции, а из представленных формулировок **остается совершенно не ясным, в чем состоит новизна авторских определений: они конкретизируют, дополняют или преобразовывают существующие?**

5. Ошибки определения объекта исследования.

На наш взгляд, вызывает возражение и представление объекта исследования. Так, автор указывает, что «объект исследования - теоретический: процесс идентификации российской молодежи в условиях цифровизации всех сфер жизнедеятельности; социальный - содержание и параметры социальной идентичности молодежи в условиях становления цифровой экономики» (С. 7). В диссертационном исследовании не принято подразделять объект исследования на теоретический и социальный. Объект — это область, явление, сфера знаний, процесс, в рамках которых осуществляется исследование, в связи с этим объект исследования является социальным уже сам по себе, так как затрагивает различные сферы жизнедеятельности общества. В дополнение к теоретическому объекту, следовало указать эмпирический объект – российская молодежь, а не социальный.

6. Ошибки формулирования гипотезы исследования.

Гипотеза научного исследования противоречит предмету исследования, исходя из которого она должна быть связана с предположением, какие социально-демографические факторы оказали или не оказали влияние на трансформацию идентичности молодежи в заявленных условиях и/ или как идентичность трансформировалась под влиянием определенных факторов, а автор просто считает, что «... идентичность молодежи играет существенную роль в реализации задач цифровизации всех сфер жизнедеятельности» и выступает «... в качестве условия вовлеченности населения в процессы становления цифровой экономики, что в настоящее время недостаточно учитывается в деятельности субъектов» (С. 7-8).

7. Ошибки формулирования теоретической значимости работы, которая заявлена автором следующим образом: «... связана с осмыслением процессов развития современных концепций цифровизации, цифровой экономики, а также механизмов идентификации молодежи в условиях становления цифрового общества, а также их взаимосвязи с процессами социокультурного развития информационного российского общества» (С. 8). Однако в цели и задачах исследования не обозначено, что рассматриваются механизмы идентификации молодежи в условиях становления цифрового общества и остается непонятно, в чем нашло выражение их взаимосвязи с процессами социокультурного развития информационного российского общества, **то есть поставленные задачи не комплиментарны теоретической значимости.**

8. Ошибки, связанные с пониманием методологических основ исследования.

1) *Ошибка определения сущности методологических основ исследования:* автор не понимает отличие методологии от методов исследования. На странице 9 диссертации он пишет, что в качестве методологической основой исследования «... использованы общенаучные методы (анализ и синтез, системный подход,

индукция и дедукция), а также специальные социологические методы познания в рамках реализованного авторского исследовательского социологического проекта «Молодежь цифрового мира», тогда как должны были быть описаны теоретико-методологические парадигмы, концепции, подходы и принципы, которые легли в основу его исследования как в части теоретического, так и эмпирического анализа, и четко обозначены в связи с этим позиции, на которых стоит сам автор как начинающий ученый.

2) *Ошибка в определении стратегии исследования, которая связана с неправильной интерпретацией базового понятия диссертации: «трансформация идентичности».* Остановимся на сказанном подробнее. На странице 29 под *трансформацией идентичности* «... понимается процесс изменения коллективных ценностей, идеалов Трансформация происходит на институциональном, групповом и индивидуальном уровнях и сопровождается корректировкой целеполагания и стратегий развития». Таким образом, автор отмечает, что трансформация идентичности — это «процесс изменения ...». При этом в Модели социологического исследования в параграфе 1.2, трансформация идентичности рассматривается как «социальный феномен» (С. 37), то есть явление, а не процесс, и включает в себя компоненты (конструкты) идентичности, рассматриваемые как элементы системы идентичности. **Соответственно, автор не замеряет изменения, которые произошли в идентичности и в ее структурных компонентах.** Этот теоретический подход автора заложил и в методику, в которой также не нашлось места замеру трансформации идентичности молодежи, которые произошли к сегодняшнему дню на «реализационном» этапе по отношению к первому - этапу реформ и отказа от СССР в периодизации автора (С. 51-52).

3) *Ошибка трактовки понятия «цифровой (виртуальной) идентичности молодежи».* В Методике автор называет этот компонент как «... 3.1.2.1.Цифровая интегрированность российской молодежи», тогда как на самом деле он отражает участие, включенность в цифровое пространство, то есть это деятельность, а не отражение ее в сознании: «как самоопределения», выбора, отождествления себя с какими-либо сообществами, группами, поэтому этот «конструкт» **нельзя считать показателем идентичности.** Его можно рассматривать как субъективный фактор трансформации идентичности.

4) *Ошибка трактовки теоретического понятия «идентичность молодежи в условиях становления цифровой экономики».* Вызывает недоумение такая формулировка понятия, предложенная автором, как: «... это отождествление молодыми гражданами себя с общностью лиц, разделяющих ценности информационного общества в контексте общецивилизационного развития с целью самореализации в социальных процессах развития цифровой экономики, что проявляется в мотивационно-ценностных, социально-деятельностных, ресурсных и статусно-ролевых установках и характеристиках личности в системе социального взаимодействия» (С.29). Возникает целый ряд вопросов: кто же входит, по мнению автора, в «... общность лиц, разделяющих ценности информационного общества»? Да еще в контексте «общецивилизационного развития»? При этом не указаны эти ценности. Какие ценности информационного общества имеет в виду автор? Ведь некоторые исследователи отмечают, что они входят в конфликт с традиционными

общечеловеческими ценностями морали¹. Вместе с тем, хочется особо отметить, что такая абстрактная трактовка содержания понятия входит в противоречие с его собственной трактовкой сущности «самости» российской цивилизации (С. 41-42).

9. Ошибки представления методов исследования. Для уровня кандидатской диссертации описание методов исследования представляется очень слабым: кандидат наук как минимум должен понимать, что практические методы делятся, например, на собственно социологические (количественные и качественные), статистические и сгруппированы должны быть именно так. Простое их перечисление без систематизации указывает на **научную незрелость автора**. Вместе с тем автор указывает, что применял методы математической статистики при обработке и анализе первичной социологической информации (С. 10), но не указывает программные средства анализа и обработки данных.

10. Ошибки определения компонентов идентичности молодежи. На странице 41 автор указывает на социо-этнический компонент («русскость» и другие) при обосновании одного из элементов в модели объекта исследования. На наш взгляд, использование данной терминологии в многонациональной стране при цивилизационном подходе совершенно ошибочно. Встает вопрос, каким образом «совокупностью названных социальных конструктов определяется сущность и «самость» российской цивилизации, а также ее базовых параметров, задающих направленность социологического исследования» (С. 42)?

11. Ошибки терминологические.

Автор путает понятия «общество» и «государство» - об этом будет сказано более подробно ниже.

При этом на странице 156 автор, систематизируя понятия, которые использованы им в Методике социологического исследования, употребляет ошибочную фразу «... представителей молодежной страты», тогда как такого понятия - молодежная страта – в социологии нет. В демографии используется категория «когорты», а в социологии при необходимости стратифицировать (разделить) какой-то слой или группу, а в данном случае российскую молодежь – используются не возрастные, а другие критерии, например, имущественные, профессиональные, которые позволяют выделить соответствующие страты и говорить о социальном неравенстве в данной группе.

При этом, диссертация «Социально-демографические факторы трансформации идентичности молодежи в условиях становления цифровой экономики» частично *соответствует установленному требованию внутреннего единства*. Формально содержание диссертации соответствует заявленным структурным элементам - параграфам, но по существу можно отметить **нарушение научной логики в представлении теоретического и эмпирического материала**.

Так, автор выносит на защиту социально-историческую периодизацию «... изменений моделей экономического поведения в условиях развития в Российской Федерации информационного общества и становления в нем цифровой экономики,

¹ Черникова В.Е. Конфликт традиционных моральных ценностей и ценностей информационного общества// Вестник АГУ. Выпуск 3(144), 2014, С. 45-50.

включающая» (С. 11), но в задачах исследования такая периодизация не заявлена, как нет ее и в оглавлении самой диссертации.

Непонятно место и роль Параграф 2.1 в структуре диссертации. Он называется «Влияние условий цифровизации на эволюцию идентичности молодежи» (С. 2), но, с одной стороны, ни в задачах, ни в положениях, выносимых на защиту, условия цифровизации на эволюцию идентичности не рассматриваются. А с другой стороны, данный параграф противоречит предмету исследования – автор должен рассмотреть влияние социально-демографических факторов на трансформацию идентичности молодежи или оговаривать, что условия цифровизации являются одним из социальных факторов.

Автор в параграфе 2.2 «Факторы, определяющие идентичность молодежи как социально-демографической группы в условиях становления цифровой экономики информационного общества» приводит типизацию идентичности российской молодежи (С. 69), выделяет ее уровни: высокий, достаточный, необходимый, частичный и низкий, но ни в оглавлении, ни в задачах исследования, ни в положениях выносимых на защиту они не нашли отражение. При этом возникают вопросы: каким методом были выявлены эти уровни и каковы критерии типизации? В этой связи представляется нелогичным определение самоидентичности респондентов (С. 80): является ли этот показатель критерием идентичности личности в целом или это фактор трансформации? В тексте объяснений нет. Как остается открытым ответ на вопрос: что такое «русская идентичность» в контексте заявленного предмета исследования и как ее самоидентификация влияет на становление цифровой экономики в России.

Автор приводит данные результатов авторского исследования и указывает, что сейчас «... наибольшей популярностью у респондентов ... пользуется сетевой интернет-ресурс «ВКонтакте» (С. 75) и «... цифровизация порождает возможность удаленной работы ... и выявлена предрасположенность многих людей к работе в режиме удаленного доступа» (С.77), но при этом не называет эти показатели факторами, тогда как совершенно очевидно, что развитие социальных сетей и открытие возможностей удаленной работы являются объективными факторами трансформации идентичности молодежи, а предрасположенность - субъективным.

И перечислять такие моменты нарушения научной логики можно еще долго – по сути, это переписать работу за автора.

Таким образом, анализ второй главы показал, что в данной части диссертационного исследования нарушена логика изложения материала, проделанная работа не нашла отражения в положениях, выносимых на защиту, представленный эмпирический материал не позволяет составить целостную картину о социально-демографических факторах трансформации идентичности молодежи, так как автор не использовал приемы анализа, обобщения, систематизации и представления научной информации от общего к частному или наоборот. Информация по результатам исследования представлена в описательном виде. Даже в выводах по второй главе (С. 102) сами факторы не изложены, не систематизированы.

Параграф 3.1 «Тенденции эволюции идентичности российской молодежи в процессе цифровизации» должен быть расположен в первой главе – теоретической,

так как на основе выделения этих тенденций после анализа научных источников, вторичного анализа результатов социологических исследований, то есть после проведения такой процедуры как структурно-факторная операционализация, и должно было бы строиться эмпирическое исследование в дальнейшем.

Автор выносит на защиту прогноз трансформации содержания и специфики социально-демографических факторов идентичности российской молодежи на среднесрочную и долгосрочную перспективу (С. 12), ставит себе такую задачу (С. 7), но не выносит это в оглавление работы. Результаты прогнозирования описываются в параграфе 3.1 «Тенденции эволюции идентичности российской молодежи в процессе цифровизации» (С. 103). При этом в тексте самой диссертации автор представляет показатели расчета трех вариантов трансформации социально-демографических факторов идентичности российской молодежи: положительный, промежуточный, негативный (С. 111). Вместе с тем, выводы по параграфу 3.1 (С. 112) сделаны по прогнозу, а не по тенденциям, как заявлено в названии параграфа.

На странице 103 автор пишет, что «Трансформация идентичности российской молодежи в дальнейшем будет осуществлена ... под влиянием ... глобальных факторов» и перечисляет их. При этом можно с уверенностью сказать, что, с одной стороны, они совершенно не глобального уровня, а образуют группу объективных факторов регионального значения, если рассматривать Россию как отдельный регион в глобальном устройстве, и связаны в описанных формулировках с изменениями как конституционно-правовых, хозяйственных устоев, так и управления этими преобразованиями в российском социуме. А с другой стороны, они должны были бы быть описаны и обобщены в предыдущей главе 2 о факторах трансформации идентичности, что не было сделано, как указывалось выше.

На странице 29 автор определяет идентичность как «... состояние самоопределения людей и различных социальных групп в отношении своих ценностных, культурных и иных характеристик и свойств, а также осознания своих места и роли в крупных социальных (государственных и надгосударственных) системах». К этому определению возникают вопросы: что автор понимает под государственными и надгосударственными системами и почему включает в свое определение политические категории? Например, Союз России и Республики Беларусь является надгосударственной системой, тогда какую идентичность могут выбирать жители этих стран. Или жители стран ЕС? На наш взгляд, это политические образования – политические системы, а не социальные. Под крупными социальными системами можно иметь в виду общества (российское, белорусское), а не политические образования в виде государственных и надгосударственных структур. Тогда идентичность как социальное явление правильнее связывать с осознанием людей своих места и роли в обществе, а не в государстве.

На наш взгляд, автор путает понятия «общество» и «государство». Еще один пример: на странице 17 автор пишет, что в широком смысле рассматривает «... контекст идентификации индивидов в Российской Федерации», а должен говорить об идентификации индивидов в российском обществе, а не государстве, в рамках

социологической науки.

Такие и подобные ошибки в подаче и интерпретации информации показывают, что диссертация не обладает внутренним единством, это нарушает логику восприятия структуры исследования и его результатов, а также «замывают» теоретическую и практическую значимость исследования в целом.

Необоснованность некоторых положений и выводов диссертации «Социально-демографические факторы трансформации идентичности молодежи в условиях становления цифровой экономики» **считаем необходимым подтвердить соответствующими аргументами.** Например, нарушено требование обоснованности положений и выводов диссертации по первому положению, выносимом на защиту. Так, автор указывает, что проведено уточнение базовых понятий и определяет себе, соответственно, задачу сформулировать ряд определений, в том числе и «социально-демографические факторы трансформации идентичности молодежи в условиях становления цифровой экономики» (С. 7) и определяет их как «... причины и условия изменений коллективных ценностей, норм, традиций и идеалов молодежной социальной группы относительно социально-экономических, культурно-исторических, инновационно-технологических, демографических аспектов функционирования современной общности и принадлежности к ней, а также потребностей и мотивов молодежи к трудовой и иной общественно-значимой деятельности, их репродуктивных и брачно-семейных установок, интегрированности в виртуальное пространство, построения индивидуальных поведенческих стратегий» (С. 29).

В этом определении автор указывает, по крайней мере, на причины и условия, которые вызывают изменения коллективных ценностей, норм, традиций и идеалов молодежной социальной группы. Эти факторы (напомним, что категория «причина» вообще философская категория, и социологи стараются ею не пользоваться) обычно группируются по различным основаниям: например, по критерию зависимости и независимости от сознания общности, то есть на объективные и субъективные. Группу объективных факторов обычно подразделяют на политические, правовые, экономические, социально-структурные, социокультурные. В нашем случае надо было бы говорить о технологических факторах, обусловивших вообще процесс цифровизации. Условия наверняка являются объективными факторами. Но автор все это не указывает, зато говорит о субъективных факторах, таких, как «потребности и мотивы» в различных видах деятельности, интегрированности в виртуальное пространство, и построение индивидуальных поведенческих стратегий. У читателя, эксперта возникают вопросы: построение каких стратегий имеется в виду? В целом своей жизни? О какой «современной общности» говорится? И что такое «аспекты функционирования» этой общности, если не факторы?

При этом в дальнейшем нигде в тексте диссертации сами факторы ни объективные, ни субъективные, как минимум, не упоминаются. Их надо еще попытаться вычленивать из результатов самого исследования. Так, в параграфе 2.2 указывается конкретно только на такие факторы, как «репродуктивные установки» (С. 71), «цифровая интегрированность» (С. 71) и «ощущение комфортности молодежи в виртуальной среде» (С. 74). В описании других факторов сам термин

«фактор» не используется и понять, что это факторы не представляется возможным.

Системно не отражены факторы и в модели, которую автор выносит во второе положение для защиты. При этом она имеет совершенно разное название в положении 2, выносимом на защиту: «... модель, описывающая соотношение социально-демографических факторов трансформации идентичности молодежи с процессом цифровизации экономики (С. 11), и в тексте самой диссертации (Рисунок 1, С. 30): модель процесса идентичности молодежи в условиях трансформации цифровизации социально-экономической сферы информационного общества. Вместе с тем и название самой модели так же вызывает вопрос: нет процесса идентичности – есть процесс идентификации, формирования, развития, трансформации – что имел в виду автор остается только догадываться.

Или, например, автор выносит на защиту (положение 5) прогноз трансформации содержания и специфики социально-демографических факторов идентичности российской молодежи на среднесрочную и долгосрочную перспективу (С. 12), однако, не указывает какими методами прогнозирования он смог это осуществить. В общем перечне использованных методов (С. 9-10) они не описаны. Только на 103 странице работы становится понятным, что автор проводил прогнозирование «... на основе экспертных оценок», но остается за скобками – кто эти эксперты, каковы критерии их отбора, чтобы говорить об их компетентности, достоверности информации и на ее основе строить прогнозы. Не приводятся в самой работе и в приложении первичные данные по экспертному опросу, нет ни одной цитаты экспертов. Получается, что проверить достоверность выводов автора не представляется возможным в должной мере.

Достоверность результатов, полученных Максимовым Владимиром Валерьевичем при проведении массового опроса молодежи, **не представляется возможным проверить**, так как не представлена первичная информация, нет в тексте работы одномерного распределения результатов. Вместе с тем, вызывает сомнения тот факт, что автор провел вторичный анализ социологических исследований общим числом 1124 (С. 10): по каким критериям был организован отбор источников информации, что было единицей анализа? Если же он был проведен в рамках определенного проекта, это следовало бы указать и объем личного вклада соискателя.

В содержании диссертации отсутствуют характеристика типа исследования в целом: какое оно, например, разведывательное или описательное? Это очень важный момент в исследовании, потому что во многом определяет дальнейший подход ко всему исследованию. В представленном тексте нет доказательств репрезентативности выборки даже по самым очевидным критериям: по полу, возрасту, уровню образования, месту проживания. При опросе 1000 человек с лишним, автор опросил 2014 респондентов, методом раздаточного анкетирования выборка, как правило, делается по меньшей мере двух- или трехступенчатой, и если это стихийная выборка, то надо было указать на этот факт.

Молодежь очень разнообразна по возрастной структуре, соответственно, разной будет ее идентичность и трансформация ее идентичности, что

детерминировано различным факторами социализации. Это не нашло отражения как при интерпретации результатов исследования, так и при описании социально-демографической структуры респондентов, тогда как заявленный пункт 4 «Социально-экономические группы и структуры» паспорта специальности предполагает подобное описание структуры молодежи как отдельной социально-демографической группы. Из представленных результатов не понятны критерии отбора или обоснованная система критериев отбора респондентов (наличие собственности, объем власти, уровень квалификации, уровень образования и характер труда, характер занятости или незанятости), которые применил автор, и которые используются социологами для эмпирического замера социальной структуры. Так, например, по критерию «наличие собственности» могла быть выделена и опрошена группа предпринимателей; по критерию «объем власти» - группа руководителей высшего и среднего звена; по критерию «уровень квалификации» - группа «специалист с высшим образованием, занятый деятельностью, требующей высшего образования, и «специалист с высшим образованием, занятый деятельностью, не требующей высшего образования при умственном характере труда»; а также по критерию «тип занятости» - группы безработных и домохозяйек, – то есть люди, которые по каким-то причинам не участвуют в общественном производстве.

Таким образом, в проведенном исследовании отсутствуют целые статусно-профессиональные группы, репрезентирующие социальную структуру молодежи, что не позволяет говорить о влиянии социально-демографических факторов на трансформацию идентичности не попавших в исследование социальных групп, а значит **полученные выводы не могут быть применены ко всей генеральной совокупности российской молодежи как отдельной социально-демографической группе, и не могут считаться достоверными.**

Общий недостаток, ухудшающий достоверность данных, это отсутствие полноценного обзора результатов социологических исследований, связанных с познанием социальных аспектов трансформации идентичности российской молодежи. В диссертации не представлен количественный и/или качественный анализ сопоставимости авторских результатов с результатами других исследований из независимых источников по данной проблеме. Вместе с тем, есть ряд работ, в которых описаны подробно социально-демографические факторы воспроизводства трудовых ресурсов России², но автор к ним не обращается. Российская идентичность в представлении московских студентов описана Е.М. Арутюновой³. Методологию социологического анализа национально-культурной идентичности современной российской молодежи в условиях глобализации разработала Н.А. Хвыля-Олинтер⁴. Таким образом, результаты, полученные автором, как говорится, не «вписаны» в научную картину мира.

Результаты диссертации Максимова Владимира Валерьевича *не соответствует в полном объеме установленному требованию*

² Потапова О.С. Социально-демографические факторы воспроизводства трудовых ресурсов России// Автореферат, Саратов, 2010, 22 с.

³ Арутюнова Е.М. Российская идентичность в представлениях московских студентов // Социологические исследования. - 2007. - №8. - С.77-85.

⁴ Хвыля-олинтер Н. А. Национально-культурная идентичность современной российской молодежи в условиях глобализации: методология социологического анализа// диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук, М, 2010.

практикоориентированности, так как выявлены крупные ошибки исследования на методологическом, теоретическом и эмпирическом уровнях, о чем было указано выше.

Лишь отчасти содержание диссертации позволяет судить о личном вкладе Максимова Владимира Валерьевича в науку и практику, так как, например, на странице 13 автор указывает, что в практической деятельности АНО «Центр развития научно-образовательных инициатив для инвалидов «Столица успеха» используется «... социологическая методика выявления социально-демографической детерминации социальной активности молодежи ...», тогда как о такой методике в работе речь не шла. При этом участие автора только в одной научной конференции в 2017 году (С. 13), не позволяет с уверенностью сказать, что основные положения и выводы работы апробированы публично.

В тексте диссертации недопустимым образом нарушены нормы цитирования и представления раздела «Степень научной разработанности». Так, автор предлагает группировку рассмотрения идентичности по различным наукам, при этом не упоминая ни одного автора, ни одной концепции, и ни одной публикации! После указания о том, что какая-либо наука занимается проблемой идентичности, идут просто ссылки в чужих диссертационных исследованиях. Например, «В рамках психологического подхода исследовались личностные процессы интериоризации норм и ценностей, подражания и социально - психологического взаимодействия, что характерно как для отечественных ученых, так и для зарубежных научных школ [71]» (С. 5). Ссылка на источник 71 ведет нас к работе и разделу «Степень научной разработанности в диссертации Климовой Е.А. «Психологические особенности женщин с проблемой гендерной идентичности (на материале психологической работы с женщинами 25-37 лет): специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук /Климова Екатерина Александровна; Российской государственной гуманитарный университет. - Москва, 2013. - 28 с. - Библиогр.: с. 27-28. – Место защиты: Российской государственной гуманитарный университет.

Далее по проблемам идентичности в педагогических науках (С. 5) дается просто ссылка на диссертацию Толстых, М.А. «Становление гендерной идентичности студентов младших курсов вузов»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук /Толстых Маргарита Александровна; 13.00.08 /Волгоградский государственный педагогический университет. - Волгоград, 2006. - 23 с. - Библиогр.: с. 21-23. - Место защиты: Волгоградский государственный педагогический университет.

Встает вопрос: чем же автору помогли исследователи этой проблемы в области педагогических наук? Далее аналогично по философской наукам, и экономическим наукам. Остается непонятным, какие выводы автор сделал из чтения указанных работ, какие методологические подходы и принципы, использованные ими, помогли автору провести свое собственное исследование, в рамках каких парадигм он работал и строил теоретическую модель «модель социально-демографической детерминации идентичности российской молодежи в условиях развития цифровой экономики» и проверял ее эмпирически.

Степень научной разработанности представлена некорректно. Например, на странице 17 автор пишет, что «... указанную выше проблематику в нашей стране исследовали Н.Я. Данилевский, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский», но в списке литературы нет работ указанных авторов. Это касается и ссылок на работы других ученых.

На странице 10 автор указывает, что для решения поставленных задач, им использованы следующие методы сбора данных: «... изучение документов, к которым относятся нормативно-правовые акты по проблемам цифровизации (87 источников), а также публикаций в индексируемых научных отечественных и зарубежных ресурсах за 2011-2021 гг. (1208 источников)», тогда как в самом списке значится всего 145 источников, что имел в виду автор, указывая такое нереальное количество источников и почему они все не нашли отражение в итоговом списке?

Список литературы оформлен не по требованиям ГОСТа - источники на иностранном языке и Интернет-ресурсы должны идти в самом конце списка, а начинаться он должен с нормативно-правовых документов, которых должно быть 87, как заявил сам автор.

Таким образом, соискатель учёной степени Максимов Владимир Валерьевич в ходе работы над диссертацией не показал себя сформировавшимся ученым: не проявил необходимых общих теоретических знаний по специальности 22.00.03 в соответствии с предметом исследования; не овладел принципами, логикой и методологией научного познания в целом; не продемонстрировал умение логично и аргументировано излагать материал и интерпретировать результаты социологического исследования.

Исходя из изложенного, полагаем, что представленная к защите диссертация частично соответствует заявленной научной специальности и при повторном представлении может быть допущена к защите в данном диссертационном совете по вновь заявленному пункту 5 научной специальности 22.00.03 с учётом сделанных замечаний. **В настоящий момент диссертация не соответствует установленным критериям и требованиям.**

Письменная Елена Евгеньевна

доктор социологических наук, доцент

26.12.2022

Имя:
научных

« *Е.Е.* »

Ученый
Сухова

С.С. г.